

АНАЛИЗИРУЯ творческий процесс создания спектакля, авторитетным специалистом в области драматургии и режиссуры, режиссер драмы — написать по ней для себя «роман жизни». Скажем, «Роман» написать так, как если бы Островский или сконцентрировал в драматически острой форме исторический материал, в рассказе о жизни поддоба Мельникова-Печерского, — бедственно с историческими фактами быта в Крыму. «Роман» для режиссуры — это работа иранора для режиссуры, это работа режиссуры — это работа художественно-прозаическая.

У постановщика пьесы «Абай», режиссера Республиканского театра драмы имени Джерментаева и режиссера, такая гамба имелась в тот же момент — воплотить в жизнь «Путь Абая». Ауэзов исследует эпоху Абая и тем последовательно — которую рекомендует режиссеру. Сегодня режиссером. Сначала — драма, потом «роман».

Чувствуется, что этот «роман» написан режиссером, и авторами перечислены не отяжало. С точки зрения спектакля захватывает напряженным драматическим действием, яркостью красок, национальным колоритом. В спектакле угадываются те черты эпохи, которые стоят за пьесой, — казахская степь в период разложения патриархально-феодалного строя, тесная от лютой зимы солдатов. «О, казак мой! Мой бедный народ! Живешь угором небритым, открыты рот. Кровь на правой щеке, на левой жир... Где же правда? Твой разум не разберет». Это стихи Абая Кунанбаева, поэта и мыслителя, который родился в 1845 году в Шынгисских горах Семипалатинской области, в кочевьях рода Тобықты. Пьеса Ауэзова о нем, о его народе.

ТЕАТР

КАК ПРОЧИТАН «РОМАН ЖИЗНИ»

Мы знаем, что премьера спектакля, о котором идет речь, состоялась много летом в Москве, на сцене Малого театра, была хорошо встречена зрителем. В рецензии на этот спектакль в основном говорится о главном исполнителе роли Абая народном артисте Казахской ССР Юрии Борисовиче Померанцеве, о его актерском мастерстве, позволившем создать интересный исторический образ.

Москвичей — и зрителей, и критиков — привлекла и покорила личность Абая. И при жизни Абай привлекал умы, покорила сердца своих соплеменников, особенно тянулось к нему молодежь. Она съезжалась в его аул с разных кочевий. К ней обращены стихи Абая, «Съез» — беседы-рассуждения.

В 1855 году путешественника Дж. Кейпана, посетившего Семипалатинск, привлек рассказ об удивительном кочевнике, изучающем западноевропейских философов и историков. Этот «кочевник» был Абай. Он не только изучал философов, историков, но и перевел на казахский язык Пушкина, Гёте, Крылова.

Автор романа «Путь Абая» в заметках о своей творческой лаборатории писал: «Сначала я написал биографию Абая... Я также не переставал думать о том, что мне нужно воспроизвести на художественном полотне эпоху Абая. И чем больше я думал над этой проблемой, тем все яснее выступала одна идея. Эта идея заключалась в том, чтобы до игры сию воспроизвести процесс организации общественной мысли прогрессивной части казахского народа через продолжительную поэтическую и просветительскую деятельность Абая. В нем, как в фокусе, сосредоточились и сложные противоречия исторической эпохи, и вдохновительные, жизнеутверждающие порывы, которые таковы в себе казахский народ».

Вероятно, многие московские зрители Юрий Борисович Померанцев впервые открыл Абая как личность. Мнения ама-атицев, которые мне довелось слышать о спектакле «Абай», об Абая — Померанцеве, противоречивы. Кто-то повторяет формулировки газеты «Советская Россия». Кто-то пытается проанализировать причины затрудненного восприятия спектакля.

Одна, лежащая на поверхности, — внешнее несоответствие Померанцева со своим героем. Вероятно, не следует сбрасывать со счетов: для казахстанцев Абай — конкретный зрительный образ. Но основная причина, на наш взгляд, не в этом. Актерской практикой, актерским талантом доказано, что вполне возможно играть историческое лицо, не прибегая к внешнему подобию, к портретному гриму. Актер может достигать высшей точности во внутреннем портретировании, в постижении души героя, его мысли.

В некоторых сценах Ю. Б. Померанцеву нельзя отказать в конкретности внутреннего анализа, помогающего истолковать образ Абая. И тогда зритель забывает о внешнем несоответствии актера к герою, сосредоточивает свое внимание на том, как лепится мысль Абая — Померанцева. Но эта мысль, даже четко вылепленная, к сожалению, не всегда помогает прояснить мысли какой-то отдельной сцены, не всегда помогает глубоко понять психологические мотивы поступков, душевные движения других персонажей.

Когда актер Померанцев завораживает зрительный зал, наиболее отчетливо обнаруживается, что спектакль состоит из двух художественно разных сделанных частей: Померанцев и «все остальное».

«Все остальное» — национальный колорит, достоверность бытовых деталей, творческие находки художника И. Бальхозина, почти скульптурный образ третьего судан акакала Сырттана (артист Ю. М. Шарипов), темпераментный Такежан (заслуженный артист Казахской ССР М. В. Аловский), актерские сделанные массовые сцены...

Так вот, когда актер Померанцев завораживает зал, обнаруживается, что «все остальное» вроде бы и не к чему. Пожалуй, для исповеди мысли уместней было бы более аскетическое оформление сцены без внешних отягачивающих подробностей.

Но «все остальное» есть, пытается жить, пытается завербовать в зритель сопереживателя. Порой это удается. Зритель перестраивается на волну «всего остального» в ущерб симпатии и доверию Абая — Померанцеву. Двойственность художественной манеры в решении спектакля затрудняет зрительское восприятие, распыляет актерский ансамбль, не позволяет достаточно четко выразить одну из главных идей «глыбы».

вести процесс организации общественной мысли прогрессивной части казахского народа через продолжительную поэтическую и просветительскую деятельность Абая».

На наш взгляд, с Абая — Ахрамеевым спектакль получается более цельным. Нет разрыва между главным героем и «всем остальным». Артист Ахрамеев органично вписывается в национальную стихию. Художественные находки заслуженного деятеля искусства республики, лауреата Государственной премии Казахской ССР А. Мадиевского, заслуженного деятеля искусств Казахской ССР И. Бальхозина служат на пользу Абая — Ахрамееву.

Роль Абая, несомненно, новая ступенька в творчестве заслуженного артиста республики В. С. Ахрамеева. И такой впечатлитель, что сам он создает из себя атмосферу раскованности. Ярче Зура (артистка В. П. Могояглова), Мылгыш (артистка Н. С. Мелешко). Колоритна сцена суда. Но Абая — Ахрамееву недостает внутренней глубины, активного темперамента мысли.

Спектакль с Абаям — Померанцевым и смотрела в первый день премьеры. С Абаям — Ахрамеевым — спустя некоторое время. Вероятно, высеченное из «глыбы» будет шлифоваться, совершенствоваться от спектакля к спектаклю. Интересно еще раз посмотреть Абая — Померанцева.

В. МАРИЧЕВА.